

СВОЕОБРАЗИЕ ОСМЫСЛЕНИЯ БИБЛЕЙСКОГО ОБРАЗА ИУДЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА И ЛЕСИ УКРАИНКИ

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія.

Випуск 2 (34) 2015

УДК 821.161.1 (Андреев Л.) + 821.161.2 (Українка Леся)

Сенько І.М. Своєрідність осмислення біблійного образу Юди у творах Леоніда Андреева і Лесі Українки; 13 стор.; кількість бібліографічних джерел – 17; мова – російська.

Анотація. У статті автор досліджує оповідання Леоніда Андреева «Юда Іскаріот» (1907) та поему Лесі Українки «На полі крові» (1909). У цих творах письменники використали євангельський сюжет про зраду апостолом Юдою учителя Ісуса Христа. Леонід Андреев трактує зраду з позицій психології: Юда любить Христа і заздрить йому, зрадою перевіряє відданість Ісусу його учнів і послідовників. За версією Лесі Українки Юда не повісився, він працює сторожем на купленому за тридцять срібняків «полі крові» і в розмові з Прочанином пояснює причину зради: розчарування у вченні Христа, яке не приносить ніяких прибутків. Словами і дією Прочанина (кидає в Юду каменем) Леся Українка з позицій народу засуджує концепцію подвійної моралі. На інтерпретацію теми зради Юди в оповіданні Андреева і в поемі Лесі Українки вплинули соціальні реалії в Росії на початку ХХ століття: насильницьке утвердження революційних ідей, відступництво, зростання в суспільстві споживацьких прагнень.

Ключові слова: біблійні персонажі, мотив зради, тридцять срібняків, поцілунок Юди, інтертекстуальність, компаративістика.

Євангельський образ Іуды воспринимается как вечный образ великого грешника-предателя, предавшего своего учителя Иисуса Христа. Все четыре евангелиста, рассказывая об этом, указывают на мотив предательства (по Матфею и Марку – сребролюбие, по Луке и Иоанну – при участии Сатаны) и форму помощи страже опознать в ночной темноте Христа – предательским поцелуем (Мф. 26: 14-15, 47-48; Мк. 14: 10-11, 44-45; Лк. 22: 4-5, 47-48); Ин. 13: 27). Когда предатель узнал об осуждении Христа судом синедриона и выдаче его на расправу Понтию Пилату, он в раскаянии возвратил 30 серебряников со словами: «Согрешил я, предав кровь невинную». Эти деньги пошли на уплату за земельный участок, на котором было устроено кладбище для иностранцев, а Иуда в отчаянии удавился (Мф. 27: 3-10). Отрицательная оценка поступка Иуды закреплена в крылатых изречениях о поцелуе Иуды и о 30 серебряниках как цене предательства [см.: 2, с. 267]. И в апокрифических легендах закрепился этот взгляд на Иуду [см.: 3, с.221-230]: дерево, на котором он повесился, с тех пор не перестает дрожать (осина) или отдает трупным запахом (бузина).

И в художественной литературе предательство Иуды изображается как непростительный грех. Данте в «Божественной комедии» (1307-1321) зримо подверг христородавца вечному наказанию: в преисподней Ада Люцифер грызет верхнюю часть тела предателя, а с нижней части тела сдирает кожу («Ад», песня 34-я). Так Иуду воспринимал и А.С. Пушкин:

Как с древа сорвался предатель ученик,
Диявол прилетел, к лицу его приник,
Дхнул жизнь в него, взвился
с своей добычей смрадной
И бросил труп живой в гортань геенны
гладной...

Там бесы, радуясь и плеща, на рога
Прияли с хохотом всемирного врага
И шумно понесли к проклятому владыке,
И Сатана, привстав, с веселием на лике
Лобзанием своим насквозь прожег уста,
В предательскую ночь лобзавшие Христа
[12, с. 380].

Традиционно этот образ воспринимали Н.А. Некрасов (в поэме «Кому на Руси жить хорошо» он сказал: «Все прощает Бог, а иудин грех / не прощается») и украинский поэт Иван Франко, рассказывая в поэме «Похорон» (1899) историю ренегата Мирона, который во сне увидел себя со стороны и осознал свой грех предательства: «Мов Юда той серед синедріону, / Котрому він Христа продав на муки, / Так я сидів на бенкеті отьому... / Музыка грає... В моім мозку блима / Якийсь там огник, спомин незабутий, / І враз він різко за скрипів дверима, / І рій якийсь ввірвавсь кровавий, лютий, / І крик піднявся, плач і зубний скрегіт: / «Ти зрадник! Зрадник! Зрадив люд закутий» [17, с. 341].

Но уже в ранний период христианства делались попытки оправдать предательство Иуды. «Цель этих предложений, – пишет Светлана Замлелова, анализируя апокрифическое «Евангелие от Иуды», – заключалась в том, чтобы реабилитировать Иуду Искарюта, представить его героем и положительным персонажем и доказать, что традиционный взгляд на него как на предателя ложен, а, значит, ложны традиционные христианские представления» [8, с.123]. И Эрнест Ренан в исследовании «Жизнь Иисуса» (1863) искал пути к реабилитации предателя: «Не отрицая, что Иуда из Кериота способствовал аресту своего учителя, мы, однако, думаем, что проклятия, которые на него обрушиваются, заключают в себе некоторую долю несправедливости» [13, с.269].

Тема оправдания Иуды актуализировалась на рубеже XIX-XX столетий. Светлана Замлелова в монографии «Приблизился предающий...: Трансгрессия мифа об Иуде Искариоте в XX-XXI вв.» (2014), проанализировав исследование «Иуда предатель» (1908) профессора Московской духовной академии по кафедре Святого Писания Нового Завета М.Д. Муретова (1851-1917), обратила внимание, что первоначально подвергаются ревизии утверждения евангелистов о сребролюбии Иуды и подчинении его воли повелению Сатаны, а после выдвигаются новые версии: Иуда Искариот, по Муретову, был радикальным иудаистом, националистом и религиозным фанатиком, который, следуя за Христом, так и остался приверженцем «общееврейской национальной плотности, материалистического утилитаризма, вожделий внешнеполитических и социалистических, а не ожиданий нравственного перерождения и осуществления идеалов духа...» [цит.: 8, с. 128-129]. Муретов считал, что Иуда предал Христа как лжемессию, но когда увидел, что предал «кровь неповинную», то избирает как наказание самоказнь, «строже которой не знает человеческий суд».

Пытались реабилитировать Иуду Сергей Соловьев (эссе «К легенде об Иуде предателе», 1896), Н.Н. Голованов (драма в стихах «Искариот», 1905; автор за апологетическую ересь был отлучен от церкви), Алексей Ремизов (поэма «Иуда», написана в 1903 г., издана в 1908), польский поэт Ян Каспрович (поэма «Judasz», переведенная в 1904 г. на русский язык Алексеем Ремизовым), немецкий драматург Карл Вейзер (книга «Иисус», 1906) и шведский писатель Тор Гедберг («Иуда», русский перевод – 1908). И Федор Соллогуб хотел написать произведение на эту тему: «Предательство. Драма об Иуде и Иисусе. Роман о современном предателе» [см.: 9, с.356]. В этом ряду следует рассмотреть и рассказ Леонида Андреева «Иуда Искариот» (1907), и драматическую поэму Леси Украинки «На полі крові» (1909).

Актуализировали эту тему факты предательства в ходе революционных событий в Российской империи 1905-1907 годов, в первую очередь разоблачение в 1908 году Евно Азефа, одного из руководителей партии эсеров, который одновременно был агентом охранки и сдал полиции многих революционеров. В беседе с Максимом Горьким о христианстве и причинах юдофобии Леонид Андреев подчеркнул, что в истории с Азефом, как и с апостолом Иудой Искариотом его заинтересовал не столько факт предательства, сколько психология предательства: «...Кто-то сказал: «Хороший еврей – Христос, плохой – Иуда». Но я не люблю Христа... Я думаю, что Иуда был не еврей, – грек, эллин. Он, брат, умный и дерзкий человек, Иуда. Ты когда-нибудь думал о разнообразии мотивов предательства? Они – бесконечно разнообразны. У Азефа была своя философия, – глупо думать, что он предавал только ради заработка. Знаешь, – если

б Иуда был убежден, что в лице Христа перед ним Сам Иегова, – он всё-таки предал бы Его. Убить Бога, унизив Его позорной смертью – это, брат, не пусячок!» [6, с. 395-396].

На историю создания Андреевым рассказа «Иуда Искариот», кроме воспоминаний Максима Горького, проливают свет исследование К.Д. Муратовой [11, с.43], комментарии А.В. Богданова [см.: 4]. Известно, что в конце марта 1906 года Андреев в письме из Швейцарии просил брата Павла прислать теологическо-философские труды Эрнеста Ренана и Давида Штрауса о жизни Иисуса. В мае того же года он сообщил Александру Серафимовичу, что планирует написать «нечто по психологии предательства». В письме Вересаеву он сформулировал тему рассказа как «нечто по психологии, этике и практике «предательства». А в разговоре с Максимом Горьким на Капри в начале 1907 года сказал: «Я хочу писать об Иуде, – еще в России я прочитал стихотворение о нем – не помню чье, – очень умное». В стихотворении «Иуде», которым восторгался Андреев, поэт Александр Рославлев сделал попытку реабилитировать евангельский образ предателя: «Пусть гнусы о предательстве кричат! / Их мысли тупы, на сердцах их плесень, / Постичь ли им твой царственный закат. / Ты – свет певцам для вдохновенных песен...» [14]. Горький, услышав о замысле Андреева и имея в своем распоряжении книги об Иуде («У меня в то время лежал чей-то перевод тетралогии Юлиуса Векселя «Иуда и Христос», перевод рассказа Тора Гедберга и поэма Голованова»), предложил гостю прочитать их, но тот ответил: «Не хочу, у меня есть своя идея, а это меня может запутать» [6, с. 390], – а через три дня принес текст этого рассказа. В письме Е.П. Пешковой от 30 января /12 февраля 1907 г. Горький сообщил: «...Леонид написал рассказ «Иуда Искариот и другие» – два дня мы с ним говорили по этому поводу, чуть не до сумасшествия, теперь он переписывает снова. Вещь, которая будет понята немногими и сделает сильный шум...» [7, с. 424]. Об этом же и автор рассказа писал в письме к Е.Чирикову от 8 февраля 1907 года: «Кончил Иуду, вещь, за которую будут ругать справа и слева, сверху и снизу» [7, с. 522]. Рассказ был напечатан в вышедшем 14 апреля 1907 г. XVI сборнике «Знания».

В первой публикации рассказ имел название «Иуда Искариот и другие». Этим названием автор подчеркивал, что ответственность за крестную смерть Христа лежит и «на других» учениках Иисуса, ведь в произведении явно звучит внутренний монолог Иуды с осуждением ограниченности помыслов, неискренности, трусости апостолов Петра, Иоанна, Фомы. Максимилиан Волошин в рецензии на рассказ Андреева, опубликованной в газете «Русь» (1907, 19 июня, № 157), писал: «Трактуя характеры Христа и апостолов с психопатологической стороны, вставляя совершенно произвольно бытовые эпизоды вроде атлетическо-

го состязания апостолов в бросании камней с горы, делая из апостола Фомы карикатурного немецкого профессора по «*Fliegende Blätter*», из Иоанна – самодовольного интригана, из Матфея тупого доктринера, изрекающего цитаты из св. писания, заставляя Иуду говорить языком рассказчика еврейских анекдотов, Леонид Андреев создает, и притом (что хуже всего) без всякого дурного желания, какое-то «Евангелие наизнанку» в стиле Лео Таксила» [5, с.461]. В то же время Волошин указал и на актуальность затронутой рассказом проблематики: «Если есть такой вопрос, который можно считать главным моральным вопросом нашего времени, то это вопрос об Иуде» [5, с.463]. Следует подчеркнуть, что так же с нравственных позиций воспринимал события того времени и Леонид Андреев, о чем свидетельствует его письмо к Вересаеву весной 1906 года: «Революция тем хороша, что она срывает маски, – и те рожи, что выступили теперь на свет, внушают омерзение. И если много героев, то какое огромное количество холодных и тупых скотов, сколько равнодушного предательства, сколько низости и идиотства... Можно подумать, что не от Адама, а от Иуды произошли люди, – с таким изяществом и такой грацией совершают они дело массового оптового хриstopродавчества» [цит.: 10, с.ХХІХ-ХХХ].

Рассказ «Иуда Искариот» [1] создавался как художественное философско-этическое исследование человеческого порока. Иуда верит Христу и любит его, в то же время сомневается в его божественности и преданности ему его учеников, сомневается, будет ли Христос как идеал понят человечеством. Поэтому предательство Иуды изображается Андреевым как эксперимент, чтобы проверить, встанут ли на защиту Мессии его ученики и толпа: если толпа, увидев страдания Христа в железных руках римских солдат, спасет Иисуса, то предательство Иуды будет оправдано и послужит благой цели – иудеи поднимут восстание и свергнут власть римлян и фарисеев; если ученики и толпа оставят в беде своего Учителя, то этим опровергнут правоту его учения. В рассказе Иуда предстает фигурой глубоко трагической: он хочет, чтобы люди уверовали в Христа, но для этого толпе нужно чудо – воскресение после мученической смерти. В трактовке Андреева предполагается вывод, что, предавая и принимая на себя навеки имя предателя, Иуда спасает дело Христа.

Важен эпизод, когда Иуда обвиняет апостолов в предательстве и они произносят слова оправдания: Фома – «Подумай, если бы все умерли, то кто бы рассказал об Иисусе? Кто бы понес людям его учение, если бы умерли все – и Петр, и Иоанн, и я?»; Петр – «Я обнажил меч, но он сам сказал – не надо... Как могли бы мы убить всех врагов его? Их так много!»; Иоанн – «Он сам хотел этой жертвы... Он весь грех людей взял на себя. Его жертва прекрасна!». Да, они проявили слабость, нерешительность, но не предательство.

На проклятия Иуды апостолы ответили по-библейски: «Будь сам проклят, сатана! – крикнул Иоанн, и повторили его возглас Иаков, и Матфей, и все другие ученики». А авторскую позицию помогают постичь слова, которыми завершается рассказ: «Всю ночь, как какой-то чудовищный плод, качался Иуда над Иерусалимом; и ветер поворачивал его то к городу лицом, то к пустыне – точно и городу и пустыне хотел он показать Иуду... И все – добрые и злые – одинаково предадут проклятию позорную память его; и у всех народов, какие были, какие есть, останется он одиноким в жестокой участи своей – Иуда из Кариота, Предатель». Хотя Андреев и сделал попытку понять Иуду (и апостолы относились к нему с пренебрежением, и Христос не приближал его к себе так, как приблизил учеников Петра и Иоанна, подталкивая этим Иуду проверить, искренне ли они любят своего Учителя), но сам факт предательства в рассказе осуждается как омерзительное деяние.

Нетрадиционно к рассмотрению темы предательства Иуды подошла и Леся Украинка в драматической поэме «На полі крові» [15]. При написании произведения украинская поэтесса оттолкнулась от слов апостола Петра в книге «Деяния святых апостолов» о том, что Иуда «приобрел землю неправедною мздою» (т.е. за тридцать сребреников, полученных за предательство Христа) и только после этого «низринулся» (т.е. повесился) так, что «расселось чрево его» (Деян. 1: 18-19). Версия о покупке Иудой земельного участка подсказала Лесе Украинке художественный прием – в форме диалога Паломника и Иуды дать реальную возможность предателю с целью оправдания объяснить причины предательства, а страннику с позиций народной морали отреагировать на услышанное.

Паломник, если обобщать информацию из сказанного им Иуде, был родом из Капернаума (Галилея), видел там Христа и его учеников («Ти навіть був-таки у мене в хаті / в Капернаумі, вкупі з тим пророком, / що се його розп'ято»), приехав в Иерусалим, мог быть свидетелем последних дней земной жизни Иисуса («Я з Галілеї. / Ходив оце в Єрусалим на прощу, / там маю родичів – сестру і тітку, – / от з ними й паску їв»), слышал о предательстве Иуды («Та казали / мені в Єрусалимі, що неначе / той Юда сторонський привів сторожу / на вчителя свого...») и о его постыдной смерти («хтось казав, що Юда-зрадник завісився»). Он, не зная, что работающий на поле крови человек – это хриstopродавец, беседует с ним как с добрым тружеником, но когда узнал в нем предателя – ужаснулся. Увидев такую реакцию паломника, Иуда начал объяснять причину содеянного: он, увлеченный идеями Христа, продал дом и виноградник, а деньги раздал нищим («Та ж я отецький син, ще й одинак! / Я спадок мав від батька: виноград, / і ниву добру, і садок, і дім. / Все мав я в Кариоті. Ну, тепер / там послідує з того ба-

гатіють...»), но, став апостолом, не получил ожидаемого вознаграждения («Се правда, я глядів у них скарбони, – / бо я вважався більш «від сього світу», / ніж тії чисті душі, – та зайняти / для себе я не смів нічого з неї, / бо зараз, мов тавро, поклали: «Злодій!»; «Я дбав про харч, про хату / для гурту цілого і про старців, / що меткою за нами волочились, / а сам голодний, збіганий, як пес, / їв облизні та думкою, як дурень, / мав багатіти...»), поэтому при удобном случае предаёт Христа, а точнее, продаёт, желая извлечь хоть какую-то выгоду:

Що є товар? Як хто що зайве має,
то й може те продати. От я мав
учителя, – як він зробився зайвим,
то я його продав...
Нічого в світі я не мав, крім нього, –
хіба ж не мав я права знов змінити
його на те добро, що я втерів
з його причини?

Если Леонид Андреев предательство Иуды пытался объяснить как поступок сильной личности во имя высокой цели – подтолкнуть неофитов к бунту против римского гнета, то в поэме Леси Украинки предательство осуществлено Иудой-обывателем, способным временно увлечься высокими идеями, но ради приземленных материальных благ он без зазрения совести предаёт своего Учителя, а с ним и высокие духовные ценности. Такой трактовкой образа Иуды украинская поэтесса предупреждала современников об опасности духовной деградации общества, отступившего от заповедей Христа.

Образ Христа и в рассказе, и в поэме – не каноничный Мессия, а тем более, не сын Боготца: у Андреева Он предстает таким, каким Его воспринимал Иуда – инфантильным молодым человеком, любящим родную Галилею, общение с детьми, преданность учеников и последователей, проникнутым «духом светлого противоречия, который неудержимо влек его к отверженным и нелюбимым»; у Леси Украинки, по словам Иуды, Иисус был эссеем, назореем, проповедником, защитником бедных («Син теслі. Що він мав? / Нічого зроду. Хто такі всі ті, / що з ним ходили? Все рибалки більше. / Їм що, які маєтки їм потрібні?»); «Все ж він про себе дбав! Бо він збирався / царем голоті всій юдейській стати, / як обдере маючих та дурних, / а їх добром наділить ту голоту»), при этом «был таким, как все» («Любив він / вино і пахощі. Любив, щоб завжди / жінки йому вродливі слугували, – / вони за ним ходили цілим роем, / а він їм дозволяв, щоб ноги мили / йому коштовним нардом і волоссям /розкішним, як буває у блудниць, / вони йому ті ноги витирали»), а по словам Паломника – Он был бессребреником («Здавався ж він на гроші не жадібним, / все тільки й говорив про царство боже...»), пророком, который умел словом призывать людей к добродетям

(«Раз я сам простив / сусідові образу, ще й чималу, / після речей того пророка...»).

Предлагая свои трактовки предательства Иуды, и Андреев, и Лесья Украинка рассматривают евангельские мотивы и о цене предательства, и о предательском поцелуе.

Исходя из трактовки образа Иуды, Андреев рассказал о попытке предателя выторговать больше, чем тридцать сребреников, а также о том, как тот, осознав, что предал невинного, пришел в синедрион и «горстью бросал сребреники и оболы в лица первосвященника и судей, возвращая плату за Иисуса». В поэме Леси Украинки Иуда после возвращения священникам и фарисеям тридцати сребреников не удавился, а, как объявил он Паломнику, на купленном ими за те деньги «поле крови» работает кладбищенским сторожем: «...отож купили сей шматок пустині – тут буде кладовище для захожих, а я, бач, сторожем на кладовищі, то й маю право до сієї нивки» [16, с. 313].

Есть различие и в трактовке Андреевым и Лесей Украинкой евангельского эпизода с поцелуем Иуды. У Андреева – это и знак узнавания («Кого я поцелую, тот и есть. Возьмите его и ведите осторожно»), и проявление в противоречивом характере предателя чувства любви к жертве («Вытянувшись в сотню громко звенящих, рыдающих струн, он быстро рванулся к Иисусу и нежно поцеловал его холодную щеку. Так тихо, так нежно, с такой мучительной любовью и тоской, что, будь Иисус цветком на тоненьком стебельке, он не колыхнул бы его этим поцелуем и жемчужной росы не сронил бы с чистых лепестков»). У Леси Украинки рассказ Иуды о том поцелуе («А може ж, я таки його любив? / А може ж, я хотів з ним попрощатись?...»; «Я ж мусив якийсь / признаку дать, котрого з гурту брати») так возмутил Паломника, что он схватил камень и бросил в предателя:

...Бо як правда,
що ти любив його, то те плюгавство
іще мерзенніше. Убий, заріж,
втопи, продай, та хоч без поцілунків!
...І після сього
ти не зависівся?!

В этих словах и действиях Паломника – взгляд народа на предательство, а возможно, и ответ Леси Украинки проповедникам двойственной морали, позволяющей совершать зло для благородной цели, руководствуясь принципом «честности с собой» (В. Виниченко) и допустимости «нечестности с другими».

Рассказ «Иуда Искариот» Андреева и поэма «На поле крови» Леси Украинки – мастерское осовременивание в философском и морально-этическом дискурсах евангельского текста о предательстве как самом омерзительном явлении, которое оправдать невозможно. Этими произведениями открывается ряд последующих художественных трактовок образа Иуды Искариота: в романах

«Мастер и Маргарита» (1934-1940) М. Булгакова, «Факультет ненужных вещей» (1975) Ю. Домбровського, «Покушение на миражи: Евангелие от компьютера» (1982) В. Тендрякова, в рассказе «Любимый ученик» (1991) Ю. Нагибина и в «Евангелии от Афрания» (1997) К. Еськова, а в украинской литературе – в драме «Цена крови» (1930)

С. Черкасенко, рассказе «Апостолы» (1946) В. Домонтовича, повести «Смерть Иуды» (1997) Р. Иванчука. Каждое из этих произведений – попытка объяснить, как под влиянием деформаций в потребительских и заидеологизированных сообществах XX века меняется мировоззрение человека, переосмысливается древний архетип предательства.

Литература

1. Андреев Л. Н. Иуда Искариот // Андреев Л. Н. Собр. соч.: в 6 т. / редкол.: И. Г. Андреева, Ю. Н. Верченко, В. Н. Чуваков. – Москва : Худож. лит., 1990. – Т. 2 : Рассказы. Пьесы. 1904-1907 / сост. и подготовка текста Е. Жезловой. – С.210-264.
2. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения / Н.С. Ашукин, М.Г. Ашукина. – М.: Худож. лит., 1987. – 528 с.
3. Берегова О. Символы славян / Ольга Берегова. – М.; Санкт-Петербург: ДИЛЯ, 2007. – 426 с.
4. Богданов А.В. Комментарии / А. В. Богданов // Андреев Л. Н. Собр. соч.: В 6 т. – Т. 2. М.: Худож. лит., 1990. – С. 503 – 558.
5. Волошин М. Некто в сером // Волошин М. Лики творчества / Максимилиан Волошин. – Л.: Наука, 1989. – С.457-463.
6. Воспоминания Горького об Андрееве // Литературное наследство. – Т. 72: Горький и Леонид Андреев / АН СССР, Ин-т мировой лит-ры им. А.М.Горького. – М.: Наука, 1965. – С.363-399.
7. Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка // Литературное наследство. – Т. 72: Горький и Леонид Андреев / АН СССР, Ин-т мировой лит-ры им. А.М.Горького. – М.: Наука, 1965. – 630 с.
8. Замлелова С. Г. Приблизился предающий... : Трансгрессия мифа об Иуде Искариоте в XX-XXI вв. : моногр. / С.Г. Замлелова. – М.: Буки Веди, 2014. – 272 с.
9. История русской литературы: в 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – Л.: Наука, 1983. – Т. 4: Литература конца XIX — начала XX века (1881—1917).
10. Левин Ф.М. Л.Н.Андреев / Ф.Левин // Андреев, Леонид. Повести и рассказы. – М.: ГИХЛ, 1951. – С.III-IV.
11. Муратова К.Д. Максим Горький и Леонид Андреев // Литературное наследие. – Т.72. – М.: Наука, 1965. – С.9-60.
12. Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. – М.: Худож. лит., 1974. – Т. 2. – 685 с.
13. Ренан Э. Жизнь Иисуса / Перевод с франц. О.А.Крыловой. – СПб: Изд. Н.Глаголева, 1907. – 360 с.
14. Рославлев А. В Башне / Александр Рославлев // az.lib.ru/t/roslawlew_a.../text_1971_about.shtm..
15. Українка, Леся. На полі крові // Українка Леся. Збір. творів: у 12 т. –К.: Наук. думка, 1976. – Т.5. – С.135-157.
16. Українка, Леся. На полі крові: Чорновий автограф // Українка, Леся. Збір. творів: у 12 томах. – К.: Наук. думка, 1976. – Т.5. – С.312-320.
17. Франко І.Я. Похорон // Франко І.Я. Твори: в 20 т. – К.: ДВХЛ, 1953. – Т. 12: поеми. – С.337-371.

Иван СЕНЬКО

СВОЕОБРАЗИЕ ОСМЫСЛЕНИЯ БИБЛЕЙСКОГО ОБРАЗА ИУДЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА И ЛЕСИ УКРАИНКИ

Аннотация. В статье автор исследует рассказ Леонида Андреева «Иуда Искариот» (1907) и поэму Леси Украинки «На поле крови» (1908). В этих произведениях писатели использовали евангельский сюжет о предательстве апостолом Иудой учителя Иисуса Христа. Леонид Андреев трактует измену с позиций психологии: Иуда любит Христа и завидует ему, предательством проверяет преданность Иисусу его учеников и последователей. По версии Леси Украинки, Иуда не повесился, он работает сторожем на купленном за тридцать сребреников «поле крови» и в разговоре с Паломником объясняет причину измены: разочарование в учении Христа, которое не принесло никаких доходов. Словами и действием Паломника (бросает в Иуду камнем) Леся Украинка показала невосприимчивость в народе попыток оправдать предательство, осуждает концепцию двойственной морали. На интерпретацию темы предательства Иуды в рассказе Андреева и в стихотворении Леси Украинки повлияли социальные реалии в России в начале XX века: насильственное утверждение революционных идей, отступничество, рост в обществе потребительских стремлений..

Ключевые слова: библейские персонажи, мотив предательства, тридцать сребреников, поцелуй Иуды, интертекстуальность, компаративистика.

Ivan SENKO

**THE ORIGINAL INTERPRETATION OF BIBLICAL CHARACTER OF JUDAS
IN THE WORKS OF LEONID ANDREYEV AND LESYA UKRAINKA**

Abstract. The author explores the story of "Judas Iscariot" (1907) of Leonid Andreyev and poem of "On the field of blood" (1908) of Lesya Ukrainka. In these works, the writers used story Gospel story the of Judas, who betrayed his Jesus Christ teacher. Leonid Andreyev treats of character Judas from the standpoint of psychology betrayal: Judas by Christ loves and envies him, betrayal checks devotion to Jesus of disciples and followers. According of Lesya Ukrainka Judas did not hang himself, he works as a watchman on bought for thirty pieces of silver "field of blood" and in conversation with pilgrim explains the reason for the betrayal: disappointment in the teaching of Christ, which does not produce any income. In words and actions of the pilgrim (he throws a stone into Judas) Lesya Ukrainka showed non-perception of in peoples of excuses of betrayal, rejects the principle of a double standard of morality. In the interpretation of the theme of the betrayal of Judas in the Andreyev's story and in the Lesya Ukrainka's poem affect social realities in Russia in the early twentieth century: violent assertion of revolutionary ideas, the apostasy, the growth of social consumer aspirations.

Key words: Biblical characters, motif of betrayal, the thirty pieces of silver, Judas Kiss, intertextuality, comparative studies.

Стаття надійшла до редакції 19.10. 2015 р.

Сенько Іван Михайлович – доцент кафедри російської літератури філологічного факультету ДВНЗ «УжНУ».